

КАК МАРЖИНАЛИЗМ ПРИХОДИЛ В РОССИЮ? ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ИСТОРИИ

Н. А. МАКАШЕВА

доктор экономических наук, профессор
Государственный университет — Высшая школа экономики
e-mail: nmakasheva@mail.ru

Статья посвящена двум эпизодам из истории проникновения маржинализма в Россию: на рубеже XIX—XX веков и в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Анализируются причины, приведшие к тому, что маржинализм не был воспринят как новая парадигма и в начале XX века оказался на периферии российской экономической мысли. Рассматриваются обстоятельства его проникновения в отечественную экономическую науку в период перехода от плановой экономики к рыночной.

Ключевые слова: маржинализм, русская экономическая мысль, трудовая теория ценности, теория предельной полезности, институционализм.

Коды классификатора JEL: B13, B15.

Проникновение западных экономических идей в Россию никогда не было легким, не всегда определялось исключительно позицией экономистов, но всегда приобретало специфическую окраску, которая не в последнюю очередь определялась социально-политическими обстоятельствами и идеологией. Так было, например, с идеями физиократов, которые оказались идеологически неприемлемыми для страны, где существовало крепостное право, так было и с идеями представителей английской классической политической экономии, «допуск» которых в страну часто оказывался зависимым от воли правителя. Но даже если не принимать во внимание внешние по отношению к собственно экономическому знанию обстоятельства, нельзя не признать, что новые идеи всегда воспринимались экономистами сквозь призму уже накопленного знания и в контексте проблем, которые в соответствующий момент активно обсуждались.

История проникновения маржинализма в Россию весьма драматична. Это дорога длиною более века, причем применительно к большей части этого периода скорее можно говорить не о проникновении, а о критике и отторжении. И все же два момента представляются важными.

Первый — конец XIX — начало XX века, когда на Западе идеи маржинализма завоевывали признание академических экономистов, он был скорее враждебно встречен большинством русских экономистов. Ниже мы коснемся вопроса о том, насколько российские экономисты были осведомлены о новых для того времени направлениях в западной экономической науке. Однако сразу же следует подчеркнуть, что в этот период «вердикт» выносился большинством экономистов в ходе открытых теоретических и методологических дебатов, которые можно проследить, обращаясь к соответствующим публикациям. Основным аргументом против маржинализма в конечном счете было то, что он не соответствовал задаче политической экономии, понимаемой как выявление **объективных** закономерностей в социально-экономической области.

При этом среди русских экономистов были и те, кто относился к маржинализму и новым направлениям в целом достаточно позитивно. Но они видели в маржинализме прежде всего новый инструментарий и считали, что теория предельной полезности может быть объединена с трудовой теорией ценности, полностью отказаться от которой мало кто из них был готов. Практически никто не рассматривал маржинализм как основу новой, самостоятельной и целостной парадигмы.

Утверждение после Октябрьской революции марксизма в его ортодоксальном варианте как единственно возможной парадигмы практически исключало содержательное обсуждение маржинализма, хотя, как показала история, не остановило развития математической экономики.

Что касается «второго пришествия» маржинализма «в составе» mainstream economics в конце 1980-х–1990-х годах, то в отличие от происходившего почти сто лет назад, дискуссии между сторонниками и противниками маржинализма, как правило, происходили не в плоскости теории и методологии, а в области идеологии, этики, политики и т. д. По существу, победа маржинализма и mainstream economics в целом определялась не тем, что большинство российских экономистов признали их аналитические преимущества по сравнению с марксизмом, а политическими, идеологическими и институциональными обстоятельствами. Возможно, важнейшим из этих обстоятельств было признание банкротства плановой экономики на фоне очевидных успехов рыночной.

И в самом этом факте — выборе исходя из «внешних» обстоятельств — отражается, хотя и весьма причудливо, практический (сегодня его иногда определяют как инженерный [15]) характер экономической науки. Однако, если выбор делается на подобной основе, неудивительны и некритическое отношение к западной науке в целом и теории в частности, и возникший раскол между российскими экономистами, и, наконец, сохраняющееся у многих российских экономистов недоверие к западной экономической теории.

Основная претензия к последней сводилась к отрыву от реальности в целом и неспособности дать **правильные** ответы на проблемы трансформационной экономики в частности. Следствием этого было возложение на нее значительной доли вины за неудачи экономической политики соответствующего периода. Сегодня к этому упреку мог бы быть добавлен упрек в неспособности убедительно объяснить текущий мировой кризис и предложить пути его преодоления. Но этого не происходит, возможно, потому, что после многих лет освоения западной экономической науки были осознаны как ее многообразие, так и границы ее возможностей.

Сравнению двух эпизодов в истории проникновения маржинализма в русскую экономическую науку и будет посвящена данная работа. При этом большее внимание будет уделено первому из них.

Русские экономисты открывают маржинализм

Довольно трудно точно указать, когда впервые идеи маржинализма стали известны русским экономистам. Более того, пытаясь ответить на этот вопрос, мы неизбежно сталкиваемся с другими вопросами, относящимися к истории как самого маржинализма, так и русской экономической мысли. Так, русские экономисты, которые вообще обращались к маржинализму, интересовались не только сегодня всем знакомыми отцами-основателями, но и менее знаменитыми его сторонниками: Р. Аушпицем, Р. Либеном, О. Курно, Г. Госсеном, Ф. Галиани, В. Лаунгардтом, Г. Молинари, П. Вери и др.

Сам этот факт свидетельствует, во-первых, о том, что «каноническое» представление о маржиналистской революции, возможно, не является бесспорным, а во-вторых, что утверждение некоторых русских авторов (например, С. Франка) о том, что российские экономисты не были знакомы с новыми направлениями¹ в западной экономической науке, не совсем справедливо. Например, тот факт, что многие работы западных экономистов, представляющие эти новые направления, были переведены на русский язык вскоре после их появления в оригинале, свидетельствует о проникновении маржиналистских идей на русскую почву.

¹ Следует заметить, что если в конце XIX — начале XX вв. в русской экономической литературе под новыми направлениями, как правило, подразумевались маржинализм и субъективная теория ценности, то в 1880-е гг. таковыми могли считаться катедер-социализм и новая историческая школа (см., например, [4]).

Первым откликом в России на маржинализм принято считать появившуюся в 1878 году статью Л. Слонимского «Забытые экономисты Курно и Тюнен» [25]. Показательно, что эта работа была посвящена не главным действующим лицам маржиналистской революции Л. Вальрасу, У. Джевонсу или К. Менгеру — их имена даже не упоминались, а тем, кого сегодня принято называть предшественниками — Й. Тюнену и О. Курно. Отмечая важность этой статьи, известный советский экономист А. Аникин писал: «Немного странно видеть имена далеких от русской жизни экономистов-математиков на первой странице журнала, в котором в эти годы печатались Тургенев, Гончаров, Островский, А. К. Толстой. ...Но таковы были русские «толстые» журналы» [1, с. 333].

Показательно, что и через два десятилетия после появления статьи Слонимского теоретические экономические работы все так же печатались в литературно-философских, историко-филологических и подобных журналах. Разница лишь в том, что в конце XX века в них публиковали свои произведения уже не Тургенев и Гончаров, а А. Чехов, Л. Толстой, М. Горький, поэты Серебряного века. Специализированные экономические журналы по-прежнему отсутствовали.

Символично, что именно тогда, когда А. В. Аникин писал о работе Слонимского, т. е. в конце 1980-х годов, уже советские «толстые» журналы взяли на себя функцию «проводников» западного образа экономического мышления [13, 58].

Предложенное Слонимским знакомство с истоками маржинализма не имело заметного продолжения². Именно этим обстоятельством можно объяснить сказанное С. Л. Франком в 1900 году: «Все развитие теории политической экономии за последние 20–30 лет прошло незамеченным для нас, потому что не укладывалось в раз принятую схему теории Маркса; учения Кнуса, Менгера, Бем-Баверка, Джевонса, Маршалла и многих других оставались до сих пор китайской грамотой для огромнейшей части нашей образованной публики, и если имена эти упоминаются в нашей журнальной литературе, то только для того, чтобы послать по их адресу резкие упреки в «отсталости» и «буржуазности» [42, с. II].

Конечно, несколько странно, что свой упрек Франк адресует не профессиональным экономистам, а образованной публике. Но смысл высказывания Франка понятен. Речь идет о некоторой периферийности нашей отечественной экономической мысли, причем, судя по высказыванию другого русского экономиста, эта периферийность не была преодолена и через восемь лет.

В 1908 году в обзоре «Теория ценности» (1908) В. К. Дмитриев писал: «русская экономическая наука в течение четверти века «не замечала» самого крупного по своим размерам и последствиям течения европейской экономической мысли, течения, охватывающего все цивилизованные страны Европы, перекинувшегося за океан в Новый Свет, и там, как и в Старом Свете, нашедшего себе последователей среди наиболее выдающихся экономистов-теоретиков.

Мы говорим, конечно, о психологическом направлении, — более известном под именем школы «предельной полезности» [8, с. 476].

И все-таки эти упреки справедливы не в полной мере. Сами их авторы, по-видимому, были хорошо осведомлены о новых направлениях; более того, в своих работах они называли несколько имен русских экономистов, не только знакомых с теорией предельной полезности, но и признававших ее большое значение: М. И. Туган-Барановский, В. Ф. Залесский, П. Б. Струве, Р. М. Орженцкий, Л. Винярский и др.

В 1890 году в **Юридическом вестнике** была опубликована первая научная работа Туган-Барановского — статья «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности» [31]. Эта работа, по мнению Дмитриева, «пробила брешь в той стене, которой русская экономическая наука отгородилась от вторжения всяких «новшеств» с Запада» [8, с. 476]. Позже Туган-Барановский «расширил» эту брешь,

² Так, например, в очень популярном учебнике по истории экономической мысли А. И. Чупрова, опубликованном в 1892 г., новые течения в западной экономической науке даже не упоминались, как впрочем, не упоминалась и русская экономическая мысль [44].

посвятив австрийской школе очерк, опубликованный сначала в журнале «Мир Божий» [34], а затем в книге «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма» [35].

Оценивая значение этой школы, он, в частности, писал: «Быть может, не будет преувеличением сказать, что в трудах школы Менгера абстрактная теория сделала самый крупный шаг вперед со времен Риккардо» и далее: «Абстрактная экономическая теория стремится... к установлению общих типов хозяйственных явлений и к открытию, путем абстракции, точных экономических законов, которые характеризуют хозяйственный процесс в его идеальном виде...» [35, с. 181].

Здесь хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, что начало субъективной теории ценности Туган-Барановский связывал с Госсеном. А во-вторых, что утверждение трудовой теории ценности, по мнению Туган-Барановского, произошло вследствие недостаточной проработанности теории ценности у Госсена, а именно из-за того, что не была высказана идея предельной полезности как регулятора ценности.

По иронии судьбы Туган-Барановский, первым сделавший решительный шаг в сторону теории предельной полезности, принял систему взглядов, которую скорее можно охарактеризовать как творческий марксизм, нежели западный мейнстрим. Знаменательно, что он вновь обратился к теории предельной полезности уже в конце жизни, когда размышлял над теорией социалистического планового хозяйства. Именно применительно к плановому хозяйству, как он полагал, можно говорить о политической экономии в позитивном смысле как о науке, исследующей достижение социального оптимума и опирающейся в решении этой задачи на теорию предельной полезности³.

Других примеров обращения русских экономистов к новым идеям в западной экономической науке мы коснемся ниже. Сейчас же постараемся ответить на несколько вопросов. Во-первых, как русские экономисты представляли новые направления? А во-вторых, при обсуждении каких теоретических проблем возник, пусть и ограниченный, интерес к этим новым направлениям?

В последнем десятилетии XIX — начале XX века для русских экономистов новое в западной экономической науке ассоциировалось с психологическим направлением, субъективной теорией ценности (прежде всего в лице Менгера и Бем-Баверка), теорией предельной полезности, а также с математическим направлением.

Как русские экономисты, находящиеся под влиянием марксизма, так и представители австрийской школы были озабочены общей проблемой — природы и сущности ценности. Русские экономисты, которые были готовы признавать положительное значение теории предельной полезности и маржинализма, либо вообще не разделяли марксистскую трактовку ценности, либо отказывались от рассмотрения проблемы ценности (стоимости) как самостоятельной по отношению к проблеме цены.

Как писал, например, один из немногих наших «западников» П. Струве: «То, что принято в современной литературе трактовать под заголовком «субъективная ценность», есть психологический процесс оценки. Когда этот процесс приводит к меновому акту, мы имеем перед собой явление цены. Это явление по существу и интересует экономистов. Рядом с ценой или под нею не существует никакого другого реального экономического явления» [30, с. 96]. И положительную роль маржинализма некоторые экономисты видели именно в том, что эта теория позволяет прекратить споры о ценности (стоимости) [35, с. 185].

Как известно, в конце XIX века в центре внимания русских экономистов-теоретиков находилась проблема ценности и ее связь с проблемой цены, которая активно обсуждалась в рамках дискуссии о противоречии (или так называемом противоречии) между I и III томами «Капитала». Именно в рамках этой дискуссии были представлены различные точки зрения по вопросу о том, каким образом — если это вообще необходимо — можно преодолеть указанное противоречие, а также сформулированы

³ Подробнее см., например, [50].

главные претензии к теории субъективной ценности и высказаны критические замечания в адрес трудовой теории ценности с учетом «новейших достижений западно-европейской политической экономии» [42, с. IV]. Более того, тогда же были обозначены и пути примирения трудовой теории ценности и теории предельной полезности.

Общими для сторонников компромисса между трудовой теорией ценности и теорией предельной полезности (Струве, Франк, Туган-Барановский) были несколько положений. Прежде всего, признание главенствующей роли экономического принципа, который они понимали как стремление производителя к максимизации прибыли, а потребителя — к минимизации издержек удовлетворения потребностей. Далее, признание ограниченности трудовой теории ценности, которая, по их мнению, хотя верно указывает на труд как на источник всех произведенных благ, но не может объяснить их ценность, поскольку субъективная оценка благ зависит от обстоятельств, лежащих в иной плоскости (редкость, полезность), а объем производства и его структура зависят от объема труда и его распределения между отраслями. Но именно здесь, по мнению этих экономистов, и возникает возможность соединить две теории ценности — трудовой ценности и предельной полезности.

Однако при попытке интеграции трудовой теории и теории предельной полезности фактически приходилось отказываться от трудовой теории ценности Маркса как основы теории цены в пользу теории издержек производства в духе Рикардо. Туган-Барановский писал, что теория цены Маркса справедлива лишь постольку, поскольку она есть теория издержек производства в ее классическом (т. е. рикардианском) варианте. Более того, он, как и Струве (хотя и с несколько иных позиций), утверждал, что несостоятельность так называемого закона-тенденции нормы прибыли к понижению является следствием несостоятельности трудовой теории ценности как основы теории цены и распределения [32, 33].

Если же трудовая теория трактуется как теория издержек, то становится возможным «примирить» трудовую теорию и теорию предельной полезности. Туган-Барановский, Струве и Дмитриев рассматривали обе теории как объясняющие две различные стороны одного и того же процесса — определения цены — объективную и субъективную, и считали их не противостоящими друг другу, а дополняющими. Синтез двух теорий нашел воплощение, например, в тезисе, что субъективные ценности благ пропорциональны (совпадают) их трудовым ценностям [42, гл. 5; 31].

Однако и в стане сторонников подобного компромисса существовали разногласия. Так, в отличие от Струве и Дмитриева, которые стремились уйти от проблемы ценности как самостоятельной проблемы, Туган-Барановский предлагал подходить к ней не с теоретической, а с методологической и этической позиций. При таком подходе можно было уйти от вопроса, преследовавшего марксистов: как в рамках одной теории согласовать рост производительности труда, связанный с ростом органического строения капитала, неизменность нормы эксплуатации и тенденцию нормы прибыли к понижению. Более того, оказывалось, что можно вообще «забыть» о проблеме органического строения и признать, что капитал, наряду с трудом, участвует в создании прибыли.

Двигаясь в этом направлении, Туган-Барановский подверг критике и теорию прибыли Маркса, связывающую прибыль с неоплаченным продуктом труда, и теорию Бем-Баверка, в которой прибыль связана с различиями в оценке настоящих и будущих благ. Он считал, что для объяснения прибыли как универсального феномена, а не только феномена капиталистического хозяйства, следует сосредоточиться на прибавочном продукте, величина которого зависит от производительности капитала, а его распределение определяется «социальными отношениями за пределами рынка» [33, с. 626]. В этом случае трудовая теория ценности может из «методологической фикции» (каковой она, по мнению, Туган-Барановского, была у Маркса) стать теорией, отражающей реальный феномен — действительную оценку благ по трудовой ценности.

Синтез трудовой теории ценности и теории предельной полезности открывал для исследователя еще одну интересную, хотя и неоднозначную перспективу. Он позволял обратиться к таким понятиям, как «общественная ценность», «субъективная общественная ценность» и «общественная полезность», т. е. перейти от индивидуального уровня рассмотрения экономических феноменов к общественному. Франк, например, утверждал, что из субъективной ценности дохода изолированного хозяйства трудовая ценность в этом случае превратится в общественную ценность, которая существует в форме субъективной оценки благ отдельными членами общества, но «только с точки зрения интересов и потребностей общества» [42, с. 244].

В 1902 году Н. Столяров, пытаясь доказать «теорему» Туган-Барановского о пропорциональности трудовых затрат предельной полезности производимых благ, ввел функцию общественной полезности [26]. Сам Туган-Барановский обратился к этой функции в 1918 году, когда пытался представить социалистическое плановое хозяйство [36].

Однако, как бы, в предвидении будущих дискуссий по проблеме общественной функции полезности, уже в ходе этих дискуссий прозвучала резкая критика самого этого понятия как внутренне противоречивого. Кто может говорить от лица общества и как предпочтения последнего могут быть выяснены? Этот вопрос задавал русский марксист А. Финн, которому методологическая позиция даже Бем-Баверка представлялась более строгой и последовательной, чем «смесь» из теории предельной полезности и трудовой теории ценности Риккардо, которую отстаивали Струве, Туган-Барановский и Франк [41].

Справедливости ради следует заметить, что подобные упреки могли быть адресованы и некоторым западным экономистам, например Кнису, который еще в середине XIX века предложил понятие «общественной потребительной ценности» [49], или Селигмену, который в 1901 году пытался выразить социальный аспект ценности через понятие «общественной предельной полезности» [52].

Таким образом, на рубеже веков «побочным результатом» при обсуждении проблемы ценности стало то, что русские экономисты пришли к вопросу о соотношении двух уровней анализа — индивидуального и общехозяйственного. При этом, как и во многих других случаях, их позиция не была ни последовательной, ни проработанной, ни согласованной. Так, Струве, например, предлагал уйти от холистической трактовки народного хозяйства в духе исторической школы (ее отстаивал, например, А. И. Чупров) и принять точку зрения австрийцев (прежде всего Менгера), рассматривающих народное хозяйство как результирующую единичных хозяйств [29, с. 366–367]. Туган-Барановский, хотя и отдавал предпочтение методологическому индивидуализму, но делал это, исходя из этических представлений, прежде всего кантовского императива, а не ради построения строгой теории.

В конечном счете, вопрос о маржинализме оказался неразрывно связанным с вопросом об экономической науке. Представление о ней как о социальной дисциплине, призванной исследовать общественные отношения в сфере хозяйства и их эволюцию, противостояло представлению о ней как о дисциплине, занятой исследованием движения цен, объемов потребления и производства. Чтобы найти место маржинализму в системе экономической науки, необходимо было, по крайней мере, признать, что экономическое знание, или экономическая наука в широком смысле, представляет соединение трех элементов — чистой теории, практической части и прикладной части. Причем теоретическая часть в этом случае строилась на принципе методологического индивидуализма и в качестве своей задачи провозглашала выявление закономерностей определения цен и объемов как результата рыночного взаимодействия индивидов. Представляется неслучайным, что подобное представление об экономической науке складывалось одновременно с признанием и утверждением маржинализма и методологического индивидуализма [5, с. 3–32; 10]. Там же, где экономистов интересовали прежде всего проблемы общественных отношений и ценности как проявления

этих отношений, — а именно так в этот период понимали свою задачу многие русские (заметим, и не только русские) экономисты, — теория предельной полезности и маржинализм представлялись не только ограниченными, но и уводящими анализ в ложном направлении.

Следует подчеркнуть, что не только марксисты были против подобной трактовки предметной области и задач экономической теории, с критикой выступали и представители формировавшегося в тот период институционализма. Но, в отличие от марксистов, протестовавших против утраты экономической наукой социального содержания, институционалисты критиковали маржиналистов за отказ от рассмотрения экономических явлений как процессов социального взаимодействия, т. е. одновременно и за «несоциальную направленность», и за равновесный подход [53]. Так, Веблен полагал, что маржиналисты подменяют задачу науки, сосредоточиваясь на выяснении соотношений между некоторыми экономическими показателями, вместо того чтобы исследовать развитие институтов во взаимодействии с экономической системой⁴. Сегодня нам понятен смысл предостережений Веблена, так же как и очевидна сложность задачи, которую он перед экономической наукой ставил.

Таким образом, отношение русских экономистов к теории предельной полезности определялось прежде всего спецификой философской и методологической позиции, включая представление о целях экономической науки, методах анализа, соотношении теоретического и практического знания и т. д. Мало кто из русских экономистов был готов отойти от сложившегося стереотипа, тем более что этому способствовали и внешние обстоятельства, прежде всего недостаточная профессионализация российской экономической науки. Этот шаг могли сделать «математически мыслящие» экономисты, причем не потому, что теория предельной полезности была математической (пример австрийской школы это опровергает), а потому, что математика имеет дело с зависимостями между количественными величинами и выбор исходных предпосылок определяется соображениями удобства, а не философским взглядом на реальность.

Несколько замечаний о маржинализме и математизации экономической науки в России

Математическая экономия на русской почве — это предмет особого исследования⁵. Но если лишь в самом общем плане говорить о степени «математизации» экономической науки в России к началу XX века, то следует отметить, что здесь, как и в большинстве стран, она была невысокой. Математика не стала языком экономической науки, несмотря на то что уже четверть века прошло с публикации «Элементов» Вальраса⁶. Более того, развитие математической экономии на Западе представляло собой последовательность редких, изолированных и практически не вызвавших отклика событий. Такими событиями было появление работ Курно (1838), Вальраса (1874, 1877) и Парето (1896–1897, 1909) [48].

Но ситуация в России в XIX веке была еще менее обнадеживающей. Несмотря на сильную математическую школу, экономисты, можно сказать, существовали независимо от математиков. В XIX веке мы встречаем лишь редкие и не очень впечатляющие примеры обращения к математике, причем исходно вне связи с теорией предельной полезности. Прежде всего это опубликованная в 1867 году статья

⁴ Заметим, что не только Веблен, но и «старые маржиналисты» понимали необходимость динамического подхода. Так, Дж. Б. Кларк предлагал двигаться от теории статики, исследующей «естественные» («нормальные») состояния, к теории экономической динамики, занимающейся исследованием отклонений от этих состояний, а затем — к теории «социальной экономической динамики», смыслом которой является изучение прогресса [47; 11, гл. 25]. Представление Кларка о структуре теории очень напоминает исследовательскую программу Н. Кондратьева, целью которой являлась теория социально-экономической динамики, или генетики [12, гл. 9].

⁵ См., например, [46].

⁶ В этом легко убедиться, например, перелистав подшивки ведущих экономических журналов, таких, например, как *J. of Political Economy*, *Quarterly J. of Economics* и др., за соответствующие годы.

А. И. Чупрова «Математическое исчисление цены труда», с которой современные исследователи связывают «зарождение математической экономики в России» [46, с. 13]. К числу первых обращений к математике можно также отнести главу, посвященную математическим методам в теории Риккардо, из книги Ю. Г. Жуковского «История политической литературы в XIX веке» [9], наконец, уже упоминавшуюся статью Л. З. Слонимского.

На рубеже XIX–XX веков внимание экономистов к математике возрастает, но при этом, с одной стороны, высказываются опасения относительно возможной экспансии математики, а с другой появляются работы, в которых математика признается научным языком, использование которого позволяет получить нетривиальные результаты. Так, одному из активных участников дискуссии по проблеме ценности, принадлежит высказывание, первая часть которого вселяет оптимизм, а вторая — разочарование. Он (Филиппов) писал, что основные понятия экономической науки «должны быть доступны математической формулировке... там, где этого нет, экономист всегда рискует выразить расплывчатым и неточным образом мысль, которая при первой попытке более точного определения часто оказывается неполною или даже просто неверною. Само собою разумеется, что речь идет здесь не о тех злоупотреблениях математикой, в которых повинны писатели вроде Вальраса (подчеркнуто мною. — Н. М.). ...Математика не должна господствовать в экономической науке, но лишь выражать в сжатой и точной форме то, что при выражении словами потребовало бы гораздо большего труда» [40, с. 542]. Из этой цитаты можно сделать два вывода: Вальрас упоминается как известный автор и одновременно как представитель опасного формализма. Однако не все опасались «злоупотребления» математикой.

В 1898 году В. К. Дмитриев публикует первый из своих экономических очерков «Теория ценности Д. Рикардо», имеющий весьма показательный подзаголовок — «Опыт точного анализа» [8, 49–126]. Об отношении Дмитриева к математике как языку теоретического анализа вообще и языку экономической науки, в частности, свидетельствует уже набор эпиграфов, которые предваряют этот очерк. Для иллюстрации достаточно привести два самых коротких. Один — слова Леонардо да Винчи: «Никакое человеческое исследование не может называться настоящим знанием, если не прошло через математические доказательства». Другой — слова И. Канта: «Я утверждаю, что во всяком естественнонаучном знании можно найти лишь столько действительной науки, сколько в ней можно найти математики».

Однако использование математики не означает присоединения к маржинализму, так же как и отсутствие математических символов не исключает признания маржинализма, хотя под «математической политической экономией» чаще всего подразумевался именно маржинализм. В этом отношении весьма показательна статья Л. Винярского, в которой автор, не прибегая к математике, пожалуй, впервые на страницах русского журнала дал сжатое изложение основных положений маржинализма и сформулировал проблемы, которые в рамках этого направления ставились [6].

Что касается Дмитриева и прежде всего его первого очерка, то в нем автор предстает как последователь Риккардо и сторонник теории издержек производства. В этом очерке Дмитриев выступает скорее как предшественник Леонтьева и Сраффы, чем последовательный маржиналист. Однако целью «Экономических очерков» как целого (1904) был «органический синтез трудовой теории ценности и теории предельной полезности». Используя более совершенный математический инструментарий, он решает задачу, которую поставил Туган-Барановский, и одновременно получает ряд нетривиальных результатов. Этой работой завершилось «первое пришествие» маржинализма на русскую почву, но, разумеется, не закончилась история предельного анализа в России. Впереди еще были работы Е. Слуцкого и А. В. Чаянова, не говоря уже о работах советских экономистов-математиков.

«Второе пришествие» западной экономической теории в Россию

В середине 1980-х годов научное сообщество российских (правильнее сказать, советских) экономистов вновь столкнулось с проблемой восприятия идей, идущих с Запада. Однако ситуация принципиально отличалась от той, что была на рубеже XIX–XX веков. Почти 70 лет в экономической науке (политической экономии) доминировал марксизм. Причем поскольку доминирование базировалось на политико-идеологическом фундаменте, оно исключало или, по крайней мере, значительно ограничивало «критическую традицию» даже в рамках марксистской политической экономии. В результате советская экономическая наука (политическая экономия) стала **особой наукой** [19, с. 112–113], имеющей мало общего с мировой наукой и развивающейся по своим собственным законам.

Теоретическая политэкономия советского периода была ориентирована не столько на получение нового знания, сколько на комментирование и интерпретацию ортодоксального марксизма. Это не означает, что в стране совсем не было экономистов, знакомых с западными теориями, но не было воспитанных в соответствующей традиции. Можно сказать, что оценка Франка, данная им в 1900 году русской экономической науке, в значительной мере оставалась справедливой и через 90 лет. Причем она оказалась справедливой не только в отношении противников западной теории, но и в отношении ее адептов.

Инерция мышления присуща любому научному сообществу: сложившиеся представления, которые разделяет большинство научного сообщества, воспроизводятся им, в свою очередь, воспроизводя это сообщество [13]. В данном случае, когда начался активный процесс проникновения из-за рубежа экономической науки, обнаружилось, что большинство российских экономистов не готовы ее принять. Причины этого можно усмотреть как в неподготовленности, существовании инерции мышления и особенностях институциональной структуры, в рамках которой работали экономисты, так и в опасениях относительно перспектив собственной профессиональной деятельности в случае радикального изменения господствующей парадигмы [54].

Не случайно в середине 1980-х — начале 1990-х годов дискуссия о западной науке велась в основном на страницах толстых журналов [43]. Однако если на рубеже веков вопрос о маржинализме рассматривался главным образом сквозь призму теории ценности, а споры велись относительно аналитических возможностей теорий трудовой ценности и предельной полезности, то во второй половине 1980-х отношение к западной экономической науке в значительной степени определялось оценкой рыночной системы хозяйства в сравнении с плановой. Очевидная деградация последней рассматривалась как свидетельство в пользу рыночной системы и, как следствие, в пользу западной экономической науки. Возник целый пласт экономической публицистики, критической в адрес плановой системы и марксистской политэкономии и положительной по отношению к западной системе и экономической науке. Позиции авторов различались в основном степенью радикализма и политической направленности [см., например, 18, 20, 23, 24, 45].

Заметим, что в этот период трудно было говорить о какой-либо единой марксистской экономической науке. Что же касается представлений о западной науке, то у подавляющего большинства советских экономистов, не говоря уже о публицистах, они были весьма приблизительными. Ни сторонники западной науки, ни ее противники не испытывали потребности разобраться в многообразии экономических теорий, существующих на Западе⁷. Отчасти этим объясняется как наивная вера в существование

⁷ Вспоминая это время, Е. Гайдар писал: «Могу засвидетельствовать, что в сложившемся в начале 1980-х гг. кругу экономистов, впоследствии на практике разрабатывавших и реализовывавших реформу в России, Хайек и Шумпетер наряду с Корнаи были, пожалуй, самыми авторитетными авторами, к работам которых обращались при обсуждении проблем реформирования советской экономики» [7, с. 368. сн. 16]. Уже сам по себе список имен свидетельствует об интересе будущих реформаторов скорее к авторам, писавшим по проблемам плановой экономики, нежели к тем, кто занимался теоретическими проблемами рыночной экономики.

некой правильной теории, способной дать ответы на интересующие всех вопросы, доверие к рекомендациям западных экспертов (выбор которых часто был случайным), так и неприятие всего корпуса знания, идущего с Запада.

Как и многие русские экономисты конца XIX — начала XX века, «антизападники» эпохи трансформации критиковали западную теорию за абстрактный характер, нереалистичность предпосылок и увлечение построением формальных моделей, а также за методологический индивидуализм и игнорирование социальных аспектов. Но на рубеже веков критики «новых направлений» предлагали альтернативу — марксистскую политэкономия. В конце 1980-х — начале 1990-х годов уже мало кто мог опереться на марксизм. Неслучайно, что академические экономисты сначала предпринимали попытки усовершенствовать политэкономия социализма. Лишь в 1993 году вопрос о новой парадигме был поставлен, но решительного шага в сторону *mainstream economics* сделано не было. Шли поиски «третьего пути» в науке — альтернативы и марксизму, и *mainstream economics*. Однако часто в качестве альтернативы предлагались рассуждения в духе этико-христианских направлений или русской версии исторической школы, плохо согласующиеся с современными представлениями о научном знании⁸. Более обнадеживающим представлялось обращение к институционализму. Последний, хотя и является направлением в западной науке, но в силу ряда обстоятельств воспринимался бывшими марксистами как более дружественное направление, причем способное консолидировать российских экономистов. Но здесь возникает целый ряд осложняющих моментов, относящихся как к институционализму самому по себе, так и к представлению о нем в современной России.

Само существование в западной экономической науке двух (или более) институционализмов, имеющих различные методологические основания и занимающихся различными проблемами, представляется едва ли не историческим курьезом. С одной стороны, это «старый институционализм», или традиция, идущая от Т. Веблена, Дж. Коммонса и отчасти У. Митчелла (хотя их объединение также весьма условно) к С. Перлману и Дж. Гэлбрейту. Для нее характерно признание того, что состояние экономики в значительной степени определяется технологией и институтами и что сам рынок является одним из институтов [51, р. 865]. Этот институционализм был тесно связан с исторической школой и возник как противовес набирающей силу неоклассике. С другой стороны, «новый институционализм», представляющий конгломерат теорий, следующих принципам методологического индивидуализма и рациональности экономических субъектов и рассматривающих различные стороны взаимодействия субъектов под специфическим углом зрения. Можно спорить, является ли этот институционализм самостоятельной парадигмой или частью неоклассики, но в любом случае он не может считаться ее альтернативой.

Институционализм в современной России — порой лишь ярлык, за которым часто не стоит принятое в современной научной литературе понимание этого термина и использование которого часто является лишь данью моде. Более того, расплывчатая трактовка термина и объединение под ним совершенно различных представлений чревато снижением стандарта научности [13, с. 418–422]. Во всяком случае, если и можно говорить о симпатиях российских экономистов к институционализму, то речь может идти в основном о вариантах старого институционализма. Однако вряд ли можно их рассматривать как альтернативу мейнстриму.

Сегодня в западной науке в рамках широко понимаемого институционального направления и «около него», например в эволюционной экономике, предпринимаются попытки, используя современные аналитические инструменты (в том числе применяемые в неоклассике), а также новейшие методы моделирования, решить некоторые задачи, поставленные сначала Вебленом, а затем Шумпетером. Однако вопрос создания целостной парадигмы, альтернативной неоклассике, остается открытым.

⁸ Об этих направлениях см., например, [54].

Возвращаясь к вопросу о восприятии маржинализма и *mainstream economics* в целом в постсоветской России, следует отметить, что важную роль в освоении накопленного на Западе корпуса экономического знания сыграли переводы экономической классики. Осуществлявшаяся еще в советское время, подобная практика получила в конце 1980-х годов новый импульс. Можно сказать, что идеологическая осторожность, характерная для выбора работ для перевода в советский период, сменилась сначала нацеленностью на авторов, критикующих плановую экономику и показывающих преимущества рыночной (Ф. Хайек, М. Фридмен и др.), а затем интересом к работам современных экономистов-теоретиков.

Однако, возможно, более наглядно процесс восприятия «экономического образа мышления» происходил с конца 1980-х годов в сфере образования. В это время началась перестройка программ, предусматривающая вытеснение старых курсов политической экономии и замену их стандартными курсами микро- и макроэкономики. Параллельно появлялись переводы западных учебников, сначала начальных, а позже и продвинутых курсов экономической теории, наконец, появились и учебники по соответствующим дисциплинам, написанные российскими авторами, хотя, как правило, по западным образцам. Конечно, перестройка экономического образования не могла происходить гладко, хотя бы по причине отсутствия подготовленных преподавателей. Однако были и другие причины.

Радикальное изменение программ — это в определенном смысле революционный сдвиг. Как и большинство экономистов-исследователей, большинство преподавателей были воспитаны в старых традициях и плохо представляли, чему им следует учить студентов. Перестройка программ воспринималась ими — и таковой она, по существу, и являлась — как результат внешнего политико-идеологического давления, а не результат критического переосмысления старых представлений. Немаловажное значение имели и чисто практические обстоятельства.

Все это приводило к возникновению несоответствия между названием и содержанием курсов, появлению «гибридных курсов», объединяющих элементы различных, часто противостоящих друг другу, теорий, специфическая трактовка принятых понятий и т. д. Другими словами, формальное принятие *mainstream economics* в сфере экономического образования порой расходилось с фактическим положением дел, и в некотором отношении этот разрыв не преодолен до сих пор.

Два рассмотренных эпизода из истории российской экономической науки разделяет период примерно в 80–90 лет. В конце XIX — начале XX века российская экономическая наука, хотя и находилась в орбите европейской, но оставалась на ее периферии. Медленно шел процесс ее профессионализации, практически отсутствовали профессиональные экономические журналы, не существовали экономические факультеты, не было научных центров. Русские экономисты, как правило, разделяли представление об экономической науке как о социальной (и даже классовой) дисциплине, призванной исследовать развитие социально-экономических отношений в обществе, и не были готовы принять методологическую позицию, предполагавшую строгое разграничение теоретического и практического знания, и методологический индивидуализм как основу теоретической части. В этот период формирование основ современной экономической теории, связанное с маржинализмом, лишь в небольшой степени затронуло российскую экономическую науку, хотя и не обошло ее стороной.

Русские экономисты не были готовы отказаться от трудовой теории ценности, поэтому даже те немногие экономисты, которые принимали маржинализм, стремились к синтезу теории предельной полезности и трудовой теории ценности. Лишь позже П. Б. Струве, А. Д. Белимович, Е. Е. Слуцкий и др. сосредоточились на проблемах, относящихся к области экономической теории в современном смысле слова. Однако эта линия анализа была, по известным причинам, прервана.

Ситуации конца 1980-х годов лишь отчасти напоминала ту, что была на рубеже веков. Советские экономисты еще в меньшей степени, чем русские экономисты начала XX века были осведомлены о западной экономической теории. Однако несостоятельность плановой экономики, подрывавшая доверие к политэкономии социализма и марксизму в целом, политические и идеологические сдвиги, наконец, институциональные изменения привели к тому, что западная модель экономической науки была принята. Как и десятилетия назад, попытки найти компромисс между марксизмом и западной наукой оказались неудачными. Некоторые экономисты до сих пор отстаивают идею национальной особенности экономической науки и следуют в русле методологической традиции, характерной для конца XIX века. Однако под влиянием скорее внешних факторов, нежели внутренних процессов в самой науке выбор в пользу западной теории был сделан. Время покажет, сможет ли теперь отечественная экономическая наука успешно интегрироваться в мировую науку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А. В. Путь исканий. М.: Политиздат, 1990.
2. Булгаков С. Н. О ценности // Научное обозрение 1898. № 2. С. 330–353.
3. Булгаков С. Н. О некоторых основных понятиях политической экономии // Научное обозрение. 1898. № 3. С. 330–353.
4. Валентинов Г. Новое направление в области политической экономии // Отечественные записки. 1881. № 11. С. 113–162.
5. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Изогограф, 2000.
6. Винярский Л. Математический метод в политической экономии // Научное обозрение. 1897. № 12. С. 1–24.
7. Гайдар Е. Т. Долгое время. М., 2004.
8. Дмитриев В. К. Экономические очерки. М.: ГУ ВШЭ, 2001.
9. Жуковский Ю. Г. История политической литературы XIX в. СПб, 1871.
10. Кейнс Дж. Н. Предмет и метод политической экономии. М., 1899. (*Keynes J. N. The Scope and the Method of Political Economy. L., 1890*).
11. Кларк Дж. Б. Распределение богатства. М.: «Гелиос АРВ», 2000. (*Clark J. B. The Distribution of Wealth. Augustus M. Kelley, 1899*).
12. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М.: Наука, 1991.
13. Макашева Н. А. Экономическая наука в России в период трансформации // Истоки. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 400–427.
14. Маслов П. В защиту ортодоксии // Жизнь. 1900. Кн. I. С. 189–198.
15. Мэнкью Н. Г. Макроэкономист как ученый и инженер // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 86–103.
16. М. Ф. Еще одна попытка новой экономической теории // Научное обозрение. 1900. № 7. С. 1264–1273.
17. Нежданов П. Метод вульгарной политической экономии : По поводу последней статьи Туган-Барановского // Жизнь. 1900. Кн. VII. С. 332–45.
18. Пинскер Б. С., Пяшева Л. И. Собственность и свобода // Новый мир. 1989. № 11. С. 184–198.
19. Полтерович В. М., Фридман А. А. Экономическая наука и экономическое образование в современной России: проблема интеграции // Экономическая наука современной России. 1998. № 2. С. 112–113.
20. Попокова Л. И. Где пышнее пироги? // Новый мир. 1987. № 5. С. 238–241.
21. Ратнер М. Б. Карл Маркс и его русские критики // Русское богатство. 1897. № 5. С. 101–128; № 6. С. 110–131; № 7. С. 203–230.
22. Рыкачев А. Учение Бем-Баверка о капитале // Научное обозрение. 1900. № 4. С. 776–96.
23. Селюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10. С. 153–178.
24. Селюнин В. Последний шанс // Литературная газета. 1990. 2 мая, № 18 (5292). С. 2.
25. Слонимский Л. З. Забытые экономисты Курно и Тюнен // Вестник Европы. 1878. Т. V. № 9. С. 5–27.

26. *Столяров Н.* Аналитическое доказательство предложенной г. Туган-Барановским политико-экономической формулы: предельные полезности свободно производимых продуктов пропорциональны их трудовым стоимостям. Киев, 1902.
27. *Струве П.* Основная антиномия теории трудовой ценности // Жизнь. 1900. Кн. II. С. 297–307.
28. *Струве П.* Против ортодоксии // Жизнь. 1899. Кн. X. С. 475–79.
29. *Струве П.* К критике некоторых основных проблем политической экономии // Жизнь. 1900. Кн. III. С. 361–92.
30. *Струве П. Б.* Хозяйство и цена. Ч. 1. М., 1913.
31. *Туган-Барановский М. И.* Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юридический вестник. 1890. № 10. С. 192–230.
32. *Туган-Барановский М. И.* Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса // Научное обозрение. 1899. № 5. С. 973–85.
33. *Туган-Барановский М. И.* Трудовая ценность и прибыль // Научное обозрение. 1900. № 3. С. 607–633.
34. *Туган-Барановский М. И.* Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. Продолжение. Австрийская школа // Мир Божий. 1901. № 12. С. 201–218.
35. *Туган-Барановский М. И.* Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб., 1903.
36. *Туган-Барановский М. И.* Социализм как положительное учение. Пг., 1918.
37. *Филиппов М.* Опять критики «Капитала» // Научное обозрение. 1899. № 6. С. 1090–1109.
38. *Филиппов М.* Критика новейших экономических учений // Научное обозрение. 1900. № 1. С. 91–104; № 2. С. 312–326.
39. *Филиппов М.* Психология в политической экономии // Научное обозрение. 1900. № 11. С. 1997–2018.
40. *Филиппов М.* Новые русские экономисты // Научное обозрение. 1900. № 3. С. 529–550.
41. *Финн А.* Теория трудовой ценности и его «новейшие» русские критики // Научное обозрение. 1903. № 5. С. 213–239.
42. *Франк С. Л.* Теория ценности Маркса и ее значение. СПб., 1900.
43. *Цвайнерт Й.* Экономические идеи и институциональные изменения: на материалах экономической дискуссии в СССР в 1987–1991 // Экономические и социальные проблемы России : проблемно-тематический сборник/ ИНИОН РАН ИНИОНИ. М., 2006. Вып. 1. С. 33–62.
44. *Чупров А. И.* История политической экономии. М., 1892.
45. *Шмелев Н.* Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6. С. 142–158.
46. *Шухов Н. С., Фрейдлин М. П.* Математическая экономия в России. 1865–1995. М.: Наука, 1996.
47. *Clark J. B.* The Future of Economic Theory // The Quarterly J. of Economics. 1898. V. 13. № 1. P. 1–44.
48. *Debreu G.* Mathematical economics // The New Palgrave. Palgrave Publishers Ltd.: Basingstoke, 2004. Vol. 3. P. 399–404.
49. *Knies K.* Die National konomischelehre vom Wert // Zeitschrift für die Gesamte Staatswissenschaft. 1855. V. XI. S. 421–475.
50. *Makasheva N.* Searching for an Ethical Basis of Political Economy: Bulgakov and Tugan-Baranovsky // Economics in Russia. Studies in Intellectual History Ashgate, 2008. P. 75–90.
51. *Samuels W.* Institutional Economics // The New Palgrave. A Dictionary of Economics. Basingstoke, 2004. P. 864–866.
52. *Seligman E. R. A.* Social Elements in the Theory of Value // The Quarterly Journal of Economics. 1900. Vol. 15. № 3. P. 321–344.
53. *Veblen T.* The Place of Science in Modern Civilization. N.Y.: Russell&Russell, 1961.
54. *Zaostrovstev A.* From Marxist Economics to Post-Soviet Nationalism // Economics in Russia. Studies in Intellectual History. L.: Ashgate, 2008. P. 173–186.